Отношение дальневосточной администрации к китайской колонизации Северной Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв.

Н.А. Макуха

Макуха Нина Александровна – старший преподаватель кафедры экономики, политологии, социологии и права Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск)

В статье проанализированы мнения представителей российской приграничной администрации, касающиеся политических и экономических процессов, происходящих в Приамурском крае в конце XIX – начале XX вв. Выявлены исторические корни китайского заселения территории Маньчжурии, а также проблемы, связанные с этим процессом. Сквозной линией в статье проходит мысль о том, что российским властям необходимо было иметь постоянный контроль над действиями центрального правительства Китая в этом вопросе, чтобы своевременно устранять или парализовывать деятельность, которая могла бы угрожать безопасности России на Дальнем Востоке.

В последние годы заметно повысился интерес исследователей к истории Дальнего Востока. В этой связи, представляется актуальным вопрос о деятельности российской администрации Приамурского края по реализации внешней политики России в отношении Китая на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.

Изучение материалов Архива внешней политики Российской империи, интерес вызвали некоторые документы с пометками «секретно», хранящиеся в фонде №143 «Китайский стол», в деле 1108 «1898 – 1909, о сношениях наших пограничных начальников с властями в Маньчжурии, а также о мерах, принимаемых китайским правительством к развитию Маньчжурии и обороны этой страны», и проблемы, касающиеся заселения китайцами в конце XIX – начале XX вв. территории Северной Маньчжурии, примыкающей к России [1]. Все они имеют единую сюжетную линию и освещают одну из страниц российско-китайских отношений, а именно – деятельность китайского правительства по подготовке и осуществлению колонизации Гиринской, Хэйлунцзянской провинции, части правого берега Амура, а также раскрывают отношение к этому процессу российских приграничных властей.

В этих документах говорится о китайской колонизации Северной Маньчжурии, в ходе которой цинским правительством решалась важная задача политического характера. В рамках политики самоусиления происходило хозяйственное освоение китайцами данной территории, что, несомненно, беспокоило российские власти.

Интерес России к Приамурью, а также активность колониальных держав Западной Европы и США на Дальнем Востоке в конце XIX – начале

XX вв. создавали потенциальную угрозу китайским владениям в Маньчжурии, которая из-за своей малолюдности могла быть легко утрачена. Россия в этот период продолжала поддерживать с Китаем добрососедские отношения, однако некоторым цинским сановникам политика русских по отношению к Маньчжурии казалась невыгодной и опасной. Отдаленные северные и восточные ее районы оставались почти пустынными. Китай был заинтересован в скорейшем заселении данной территории.

Общей задачей внешней политики России и Китая во второй половине XIX – начале XX вв. была охрана собственных границ. Малочисленность населения и слабость хозяйственного развития было характерными чертами как для российского Дальнего Востока, так и для Северной Маньчжурии. В связи с этим, одной из целей внешней политики обеих стран было обеспечение собственной безопасности посредством увеличения численности населения в приграничных районах.

Граничащая с Приамурьем территория Северной Маньчжурии к середине XIX века представляла собой отсталую, малонаселенную окраину Цинской империи с незначительной площадью обрабатываемых земель. Во многом такое положение обуславливалось тем, что Маньчжурия была «вдвойне закрыта» как для иностранного проникновения, так и для китайской колонизации. Плотность населения на юге страны была намного выше, чем на севере. Это было обусловлено как географическими, так и историческими факторами. В северной части, покрытой лесами, в условиях довольно сурового климата земледелие развивалось довольно слабо и существовало, в основном, по берегам рек. Земельными участками наделялись маньчжурские военачальники и воины «восьмизнаменных» войск, служившие важным оплотом цинского режима. Они получали земли в наиболее важных в стратегическом отношении районах. Нередко в услужении у маньчжурских офицеров находились люди, сосланные в Маньчжурию за различные проступки и преступления. Это и был первоначальный контингент населения приграничной Маньчжурии.

По мере ухудшения материального положения низшего командного и рядового составов маньчжурской армии, особенно в период и после подавления восстаний тайпинов и няньцзюней в 50 – 60-е годы XIX века, «знаменные» земли все чаще становились достоянием китайских купцов и переселенцев, но их было незначительное количество.

В результате, в 1878 г. цинское правительство отменило запрет на переселение китайцев в Маньчжурию. Этот шаг положил начало более широкой колонизации слабо заселенных и неосвоенных земель региона (Цзилинь и север Фэнтяни). В Маньчжурию отправлялись отходники, разорившиеся крестьяне, мелкие торговцы и ремесленники. Однако из-за отсутствия средств и орудий труда многие из них разорялись и начинали заниматься хунхузничеством (разбоем), что наносило немалый вред местной экономике [2].

Колониальным мероприятиям в приграничных с Россией территориях центральное правительство Китая стремилось придать характер

политической кампании. С этой целью был выдвинут лозунг: «Заселим границу народом!» [3]. Переселенцам, направляющимся в Северную Маньчжурию, предоставлялись различные льготы. Так, если в районах, не связанных с политическими интересами Цинов, переселенцы приобретали земли в обычном порядке (за наличные) и обязаны были платить налоги, то в пограничных с Россией районах участки предоставлялись бесплатно, причем, переселенцы освобождались от уплаты налогов в течение первых пяти лет, а иногда десяти – двадцати лет. Особыми льготами пользовались переселенцы, направлявшиеся в районы смежные с Южно-Уссурийским краем. Там, кроме бесплатного участка, каждой семье предоставлялись орудия, рабочий скот и деньги на постройку жилища. Первоначально туда направляли китайцев, проживавших ранее в окрестностях Гирина, Нингуты и других городов Маньчжурии. Это делалось с таким расчетом, чтобы «старожилы» могли обеспечивать продуктами питания вновь прибывших переселенцев.

Для ускорения заселения цинские власти решили привлечь в Маньчжурию китайцев, ранее переселившихся на русскую территорию. По их указанию в Южно-Уссурийском крае были распространены листовки, призывающие выходцев из Китая переселиться в Маньчжурию. Представители пограничной цинской администрации (без достаточных на то оснований) попытались даже взять под свою юрисдикцию китайских переселенцев, обосновавшихся на русской территории на реке Сучан и в других местах, побуждая их к неповиновению русским властям. Одновременно цинские эмиссары требовали у последних выдачи «непокорных» китайцев для суда и расправы. Однако цинскому правительству пришлось отказаться от своих необоснованных притязаний из-за твердой позиции России, стремившейся мирными средствами урегулировать назревавший конфликт. В результате переговоров, между представителями обеих сторон 4 июля (22 июня) 1886 г. в урочище Новокиевском был подписан протокол о проверке пограничных знаков на государственной границе между Россией и Китаем, установленных на основании договора 1860 г. Тем самым конфликт был урегулирован [4].

В последующее десятилетие цинское правительство не предпринимало каких-либо активных действий по заселению и хозяйственному освоению северо-восточных провинций. К этой проблеме оно вынуждено было вернуться вновь после японско-китайской войны (1894 – 1895 гг.), когда маньчжурский вопрос стал играть важную роль в международных отношениях на Дальнем Востоке.

20 мая 1898 г. Поверенным в делах Императорской миссии в Пекине Статским советником Павловым отправлена секретная телеграмма в Министерство иностранных дел России, в которой сообщалось об опасениях, высказанных Приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым по поводу колонизации Хэй-лун-цзянской провинции и части правого берега Амура китайцами, «работающими ныне на приисках и другими бездомными сей области». Генерал-губернатор видел в этом намерение Китая усилиться в Маньчжурии и указывал на «неудобство такой меры с точки зрения наших

интересов в этой стране» [5]. Павлов в этой же телеграмме сообщал о том, что разделяет взгляды Н.И. Гродекова относительно нежелательности заселения правого берега Амура неблагонадежным китайским элементом. Но в тоже время делал акцент на том, что не видит никакого основания непосредственно вмешиваться в это распоряжение китайского правительства и требовать безусловной замены его. «Я полагал бы, – говорил советник, – возможным лишь обратить внимание китайских министров на опасность этой меры для наших дружественных пограничных отношений и на нежелательные для самого Китая последствия, к которым оно легко может привести, и ответственность, которая всецело ляжет на китайское правительство» [6].

Вслед за сообщением Павлова Приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым 10 июля 1898 г. была отправлена телеграмма министру иностранных дел России, в которой официальный представитель правительства в Приамурском крае выражал свою точку зрения относительно колонизации китайским правительством Северной части Хэйлунцзянской провинции[7]. В сообщении он высказывал глубокую озабоченность по поводу того, что цинское правительство предполагает обратить в число переселенцев большое количество бездомных китайцев, и отмечал, что вследствие этого довольно скоро на границе, причем, напротив густонаселенного района Зейских маньчжур, образуется сплоченное китайское население. «Не подлежит сомнению, – писал генерал-губернатор, – что из числа этих китайцев только более или менее зажиточные осядут и обзаведутся хозяйством на отведенных им участках. Другие же, и вероятно большая часть из них, образуют настоящий пролетариат, который постоянно будет вызывать беспорядки на нашей границе. Заявляю, что ввиду разных причин пограничного характера осуществление этого мероприятия не следовало бы допустить» [8].

Хэйлунцзянская провинция, граничащая на севере с Амурской, а на западе с Забайкальской областями, долгое время была совершенно недоступной для китайских переселенцев. Китайское правительство, ранее неблагосклонно относившееся к заселению Маньчжурии китайцами, ставило переселенческому движению последних разные препятствия. Так, например, покупка земли была вовсе запрещена китайцам, арендовать же ее у маньчжур допускалось лишь в одной Шеньцзинской провинции. Благодаря этим ограничениям китайские эмигранты, гонимые жаждой наживы, а также нуждой, стали сначала селиться в южной части Маньчжурии, но постепенно они начали проникать и в Гиринскую провинцию, которая привлекала их обилием свободной земли и слухами о ее огромных минеральных богатствах. Затем, китайцы начали активно селиться в Хэйлунцзянской провинции, в которой уже в 1860 г. состоялось первое официальное разрешение на распашку земли китайскими поселенцами. До 1898 г. китайские поселения встречались только в южной части этой провинции, вдоль левого берега Сунгари [9]. Постепенное заселение Маньчжурии китайцами происходило не по распоряжению китайского правительства, а, напротив, вопреки его воле.

Правительству Богдохана приходилось постоянно лишь признавать совершившийся факт, и только изредка китайские власти сами вызывали переселенцев [10]. Однако, если такое случалось, то сообщения пекинского правительства содержали обещания различных льгот для переселенцев в Маньчжурию. Таким образом, китайские власти стремились как можно быстрее достигнуть при помощи переселенцев более тесного сближения данной территории с собственным Китаем.

Китайские поселенцы по многим параметрам оправдывали возлагавшиеся на них правительством надежды: они, не порывая своих связей с родиной, постепенно вытесняли маньчжур. Со временем вся торговля, промышленность и отчасти земледелие стали находиться исключительно в руках китайцев.

Китайское правительство решило провести мирное завоевание и поселить на самой границе России, в непосредственном соседстве с центром Амурской области г. Благовещенском, устойчивое китайское население. В результате, для России дело могло принять совершенно нежелательный оборот. А именно, как указывал Н.И. Гродеков: «китайские поселенцы, заняв территорию вдоль Амура, к востоку и западу от Айгуна (как раз напротив поселений Зейских маньчжур), приступят к обработке этой ныне никем не обитаемой, но плодородной полосы земли и этим постепенно сблизят дальнюю окраину с собственным Китаем, как они это уже сделали в Маньчжурских провинциях Шэн-цзин, Гирин и в южной части Хэйлунцзяна» [11].

В связи с этим, Приамурский генерал-губернатор выражал опасения по поводу возникновения в этой полосе китайских поселений с чисто китайским гражданским управлением. «Упорное неповиновение их нашим законам, – говорил Н.И. Гродеков, – явное неуважение, выказываемое китайцами к нашим властям, уже теперь служит предметом постоянных недоразумений, которые только в ожидании окончания постройки Железной дороги через Маньчжурию улаживаются мирным путем (не без ущерба престижу нашей власти) во избежание всяких осложнений с Пекинским правительством» [12].

Н.И. Гродеков в своей телеграмме от 10 июля 1898 г. министру иностранных дел также писал о том, что «…центральное правительство Китая не пользуется почти никаким влиянием и авторитетом в провинциях своей обширной империи. Провинциальные власти управляют народом совершенно самостоятельно и только в весьма редких случаях, вследствие каких-либо доносов, увольняются с должностей и то только в том случае, если не имеют возможности оправдаться перед центральным правительством или же нет достаточных средств откупиться. Еще большую независимость от правительства проявляют в своих действиях маньчжурские власти пограничной с нами Хэйлунцзянской провинции, столь отдаленной от столицы Китая. При всем этом, последние до того слабы, что в течение десятилетий ведут борьбу с хунхузами – этим бичом Маньчжурии, и никакими строгими мерами не в состоянии оградить земледельческое

население от набегов этих разбойников» [13]. Бессилие и беспомощность маньчжурских властей вполне рельефно проявлялось в те моменты, когда последние вынуждены были просить помощи у российских пограничных властей для борьбы с хунхузами, беспокоившими мирное население Амура и Уссури особенно сильно. Набеги этих разбойников были тогда настолько бесцеремонны, что некоторые казачьи станицы в ожидании нападения должны были выставлять вооруженные посты. Н.И. Гродеков выражал опасения по поводу еще большего распространения хунхузничества на российско-китайской границе, о чем также докладывал в Министерство иностранных дел.

О намерениях цинского правительства заселить Северную Маньчжурию свидетельствовал секретный рапорт генерал-майора Ухач-Огоровича, состоящего в распоряжении командующего войсками на Дальнем Востоке, начальнику штаба войск на Дальнем Востоке от 18.03.1906 г. В своем донесении он сообщал о планах китайского правительства, перечисляя реально проводимые им мероприятия. В частности, он написал, что «для достижения этой цели китайским правительством уже были приняты следующие меры: во-первых, всем желающим китайцам продается земля в Гиринской провинции по 23 коп. за шан (1750 кв. сажень), в Цицикарской провинции – по 2 руб. за шан; во-вторых, все переселенцы освобождаются на 5 лет от податей. С 6-го года платят по 30 коп. с шана земельной пошлины; в-третьих, учреждается в Северной Маньчжурии 50 новых округов, причем, каждый из новых дифангуаней обязан сформировать отряд из 3 тыс. человек. (Дифаньгуань – уездный начальник в Китае), а также сменены 5 дифангуаней из маньчжур, сочувствующих русским» [14].

Взгляды местной китайской провинциальной власти на заселение Северной Маньчжурии, примыкающей к России, были отражены в местной китайской, а также германской печати в городах Циндао и Цзинаньфу. Так, германское правительство симпатизировало идее усиленной колонизации примыкающих к России свободных земель Маньчжурии. Германия как и Китай были одинаково заинтересованы в создании «из китайской массы живого политического барьера против завоевательных притязаний России в Маньчжурии» [15]. Обе страны (особенно Германия) стремились оградить себя от нежелательного вмешательства России в свои планы в Поднебесной империи.

Результатом объединенных усилий китайского правительства, провинциальной китайской печати, не без участия германской, заселение берегов Амура и Уссури китайцами приняло в конце восьмидесятых годов XIX – начала XX вв. большой размах. В 1909 г. правительство организовало переселенческую комиссию. Во главе ее был поставлен энергичный Даотай, получивший образование в Токийском университете, прекрасно говорящий по-русски и по-английски. Маньчжурский генерал-губернатор Сюй-ши-чан выработал «Особое положение о колонизации окраинных земель Хэйлунцзянской провинции», предоставлявшее переселенцам новые льготы и регулировавшее деятельность чиновников, заведывающих колонизацией на

местах [16]. При слиянии рек Уссури с Амуром предполагалось построить город, который должен был стать противовесом Харбину в торговом и политическом отношении. Кроме этого, параллельно Амуру в приграничной с Россией полосе появлялись китайские станицы, жители которых должны были охранять новоселов от разбойничьих шаек хунхузов. Планировалось открытие целой сети школ с обязательным всеобщим и бесплатным обучением, широкое развитие торговли, что должно было обеспечить быстрое развитие Маньчжурии в политико-экономическом отношении[17].

Указания китайского правительства о колонизации пограничной с Россией полосы Маньчжурии вызывали беспокойство как местных властей, так и высших правящих кругов России. Непосредственно на Дальнем Востоке в период с 1898 по 1909 гг. китайское переселение в Маньчжурии составляло предмет особых забот Приамурских генерал-губернаторов Н.И. Гродекова и П.Ф. Унтербергера. Их личные донесения в Министерство иностранных дел России свидетельствовали об особой важности данной проблемы. Кроме этого, поражение России в русско-японской войне (1904 – 1905 гг.) значительно ослабило ее позиции на Дальнем Востоке. После заключения Портсмутского мира перед правящими кругами России встала задача выработать дальнейшее направление дальневосточной политики. Это была сложная проблема, задевавшая взаимоотношения царской России со всеми великими державами и, в первую очередь, с Китаем и Японией. Усиление позиций Японии вынуждало правительство России перейти к оборонительной политике на Дальнем Востоке. Была разработана система стратегических и экономических мероприятий по укреплению позиций России в Приамурье. Наряду с решением военных задач, главным положением в ней было ускоренное развитие промышленности и транспорта, призванных во многом способствовать скорейшему заселению дальневосточных территорий.

П.Ф. Унтербергер 23 декабря 1906 г. представил в Совет министров записку «Наше положение на Дальнем Востоке в данное время» [18], в которой утверждал, что положение в регионе все больше обостряется. «Лихорадочная поспешность, с которой Япония готовится к войне, – писал П.Ф. Унтербергер, – подтверждает это… Во всяком случае, нам предстоит новая война с Японией, и у нас нет никаких гарантий, что разрыв не совершится в ближайшем будущем» [19]. Генерал-губернатор предлагал осуществить ряд мер военно-стратегического характера и быстрейшее заселение Амурской и Приморской областей русскими переселенцами. «Одни войска и пушки, – писал он,– не в силе окончательно закрепить за нами край» [20]. Тем самым, П.Ф. Унтербергер доказывал неподготовленность России к защите русских дальневосточных владений, которые Япония, по его мнению, могла захватить в случае новой войны с Россией.

Колонизация Маньчжурии китайской стороной беспокоила российские приграничные власти. Как говорил Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: «…необходимо иметь постоянный контроль над действиями

центрального правительства Китая в этом вопросе, чтобы своевременно устранять или парализовывать деятельность, которая могла бы угрожать безопасности России на Дальнем Востоке» [21]. Однако, несмотря на это, представители местной администрации были напрямую заинтересованы в реализации дружественной политики России в отношении Китая в Приамурском крае. Несмотря на различие во взглядах на многие вопросы, представители российской и китайской приграничных администраций всегда выражали взаимное уважение в отношении друг другу. Именно благодаря этому многие спорные вопросы имели благоприятный, и во всех отношениях выгодный исход для обеих сторон.

Литература и источники:

1. *Архив Внешней Политики Российской Империи (далее – АВПРИ). – Ф.143. – Китайский стол. – Оп. 491. – Д. 1108. «1898 – 1909, о сношениях наших пограничных начальников с властями в Маньчжурии, а также о мерах, принимаемых китайским правительством к развитию Маньчжурии и обороны этой страны». – Л. 2. – Секретная телеграмма Статского Советника Павлова. – Пекин. – №199. – 20 мая 1898 г. (через Троицкосавск); Л. 3 – 7. Секретная телеграмма Приамурского Генерал-губернатора Гродекова г. Министру Иностранных дел. – №180. – 10.07.1898г.; Л. 21. – Копия с секретного рапорта состоящего в распоряжении Командующего войсками на Дальнем Востоке Генерал-майора Ухач-Огоровича начальнику штаба войск на Дальнем Востоке – №100. – 18.03.1906 г.; Л. 43 – 44, 51, 68. Секретная телеграмма в Российскую миссию в Пекине[3]. – 10.10.1908 г.*
2. *Патрушева, М.А. Экономическое развитие Маньчжурии вторая половина XIX в. – первая треть XX в. / М.А Патрушева, Г.А. Сухачева. – М., 1985. – С. 39.*
3. *Глуздовский, В.Е. Приморско-Амурская окраина и Северная Маньчжурия / В.Е. Глуздовский. – Владивосток, 1917. – С. 62.*
4. *Там же. – С. 65.*
5. *АВПРИ. – Ф. 143. – Оп. 491. – Д. 1108. – Л. 2.*
6. *Там же.*
7. *АВПРИ. – Ф. 143. – Оп. 491. – Д. 1108. – Л. 3 – 7.*

8 – 13. Там же.

14. *АВПРИ. – Ф. 143. – Оп. 491. – Д. 1108. – Л. 21.*
15. *АВПРИ. – Ф. 143. – Оп. 491. – Д. 1108. – Л. 43 – 44, 51, 68.*
16. *Там же.*
17. *Там же.*
18. *Бестужев, И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики 1906 – 1910 / И.В. Бестужев. – М., 1961. – С. 164.*
19. *АВПРИ. – Ф. 148. – Оп. 491. – Д. 754. – Л. 13.*
20. *Там же. – Л. 14.*
21. *АВПРИ. – Ф. 143. – Оп. 491. – Д. 1108. – Л. 3 – 7.*